

В 1972 ГОДУ „АВРОРА“
ПРЕДПОЛАГАЕТ ОПУБЛИКОВАТЬ

1971

аврора

- повесть Даниила ГРАНИНА «ВЫБОР ЦЕЛИ»,
- фантастическую повесть Андрея БИТОВА «ПРЕПОДАВАТЕЛЬ СИММЕТРИИ»,
- повесть Глеба ГОРЫШИНА «АЛЛЕЯ»,
- приключенческую повесть Михаила ДЕМИДЕНКО «ДНЕВНИК ПРОЙДОХИ КЕ»,
- повесть Элигия СТАВСКОГО «ПОЛГОДА ДО БЕССМЕРТИЯ»,
- сказку для взрослых Радия ПОГОДИНА «СТАРАЙТЕСЬ НЕ ХОДИТЬ НА ИМЕНИНЫ!»,
- повесть Дмитрия ПРИТУЛЫ «ПРОВИНЦИАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ»,
- новую фантастическую повесть АРКАДИЯ и БОРИСА СТРУГАЦКИХ «ПИКНИК НА ОБОЧИНЕ»,
- повесть американского писателя Скотта ФИЦДЖЕРАЛДА «БОГАТЫЙ МАЛЬЧИК»,
- зарубежные очерки Михаила САГАТЕЛЯНА «ВСТРЕЧИ ЗА КАДРОМ»,
- воспоминания Леонтия РАКОВСКОГО «С КНИГОЙ ЧЕРЕЗ ВЕКА (Из записок библиофила)»,
- «ВОСПОМИНАНИЯ О РАХМАНИНОВЕ» профессора Николая КОЖИНА,
- а также главу из автобиографической книги Эрскина КОЛДУЭЛЛА «НАЗОВЕМ ЭТО ОПЫТОМ».

В КАЖДОМ НОМЕРЕ

большие поэтические подборки, рассказы и очерки о новостях науки и техники, об артистах театра и кино. О спорте и спортсменах, материалы из рубрики «Питерские всевиды», а также выпуски юмористического журнала в журнале «СЛОН».

ПОДПИСКУ ВЫ МОЖЕТЕ ОФОРМИТЬ В ЛЮБОМ ОТДЕЛЕНИИ „СОЮЗПЕЧАТ“ ИЛИ ЧЕРЕЗ ОБЩЕСТВЕННЫХ РАСПРОСТРАНТЕЛЕЙ.

**ПОДПИСНАЯ ЦЕНА НА ГОД — 3 РУБ. 60 КОП., НА ПОЛУГОДИЕ — 1 РУБ. 60 КОП.
В СЛУЧАЯХ ОТКАЗА ОТ ПОДПИСКИ ПРОСИМ НЕМЕДЛЕННО СТАВИТЬ ОБ ЭТОМ В ИЗВЕСТНОСТЬ РЕДАКЦИЮ.**

ПРОЗА

- Петр Капица 10 Строптивые. Повесть
 Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий 40 Малыш. Фантастическая повесть. Продолжение

ПОЭЗИЯ

- Гейнц Калау, Гельмут Прейслер, Уве Гресман, Христа Альтен, Гюнтер Кунерт 7 Стихи поэтов Германской Демократической Республики в переводах Виктора Топорова, Вячеслава Куприянова, Татьяны Мамоновой и Евгения Витковского
- Нина Альтовская 36 Память
 Александр Житинский 37 Баллада о капитане Роберте Скотте. Хранитель истории. Взлет. «ЛИ-2». «Другими глазами гляжу...» У Петропавловки
- Глеб Семенов 53 Зрелость. Время. «Тень голых веток на снегу...»
 Пейзаж с красной крышей

аврора

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
 И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
 ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ
 ЦК ВЛКСМ,
 СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РСФСР
 И ЛЕНИНГРАДСКОЙ
 ПИСАТЕЛЬСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

10**ПУБЛИЦИСТИКА**

- Илья Штемлер 2 Мой белый, белый город
 Юрий Титов 28 Мы строим КАМАЗ. Страницы из дневника. Вступительное слово Евгения Кутузова
- Людмила Андреева 54 И заря, и страна на рассвете...
 Юрий Цехновицер 72 Тихая Коломна

КРИТИКА

- Борис Бурсов 64 «Подросток» — роман воспитания. К 100-летию со дня рождения Ф. М. Достоевского

ИСКУССТВО

- Евгений Калмановский 60 Эпизоды из жизни режиссера

„СЛОН“

- Юмористический журнал в журнале 77 Выпуск семнадцатый

В ЭТОМ ГОДУ ИСПОЛНЯЕТСЯ

150 лет со дня рождения
Федора Михайловича Достоевского

Борис Бурсов

„ПОДРОСТОК“

— РОМАН ВОСПИТАНИЯ

1

О великих творениях искусства всегда будут спорить, искать в них все новых и новых смыслов. Никогда не будет сказано «последнее слово» об «Евгении Онегине», «Войне и мире» или «Братьях Карамазовых». Гениальные художники, принадлежа своему времени, во времени и запечатлевают вечное, то есть такое, что во все времена сохранит свое значение для всех людей. Ибо истинно человеческое в человеке остается бессмертным, как бы ни менялись люди и отношения между ними.

«Подросток» — предпоследний роман Достоевского, одно из прекрасных созданий его гения. О «Подростке» написано множество статей, есть даже отдельные книги. Не будем огорчаться, что не все еще вопросы, связанные с этим романом, решены. Не решен даже вопрос о главном герое. А тем не менее, я думаю, в «Подростке» два равноправных главных героя. Каждый из них непонятен без другого, как бы живет в другом. И если Версиков — исходный ружб для Аркадия Долгорукого, то в Долгоруком он находит свое продолжение. Чем ближе к концу, тем острее чувствовал Достоевский необходимость дать людям надежду на благоприятный исход внутренней борьбы в человеке, каким он у него обрисован.

«Подросток» написан Достоевским в 1874—1875 годах. Жить ему после этого оставалось недолго, всего только пять лет. Оставшегося времени хватило только для написания и опубликования «Братьев Карамазовых». Мало кому из великих художников выпадала такая доля, какая выпала Достоевскому, — уходя из жизни, сказать самое важное свое слово. Достоевскому было шестьдесят в период завершения «Братьев Карамазовых», и

это был последний его роман. Гений его поистине был неисчерпаем, возмущаясь от романа к роману. С годами увеличивался у него запас идей, образов, росла вместе с тем потребность сообщить все это людям, раскрыть перед ними всю свою веру в них, преодолевая сомнения.

Удивительна литературная судьба Достоевского. Столько в ней загадочного, непропорционального и, если прямо говорить, несправедливого! Его успех у публики и литературной критики все-таки не соответствовал его колоссальному дарованию. Теперь, оглядываясь на столетие назад, трудно понять, чего от него ожидали и хотели, на какой исход, в смысле отзыва, он сам рассчитывал, берясь за очередной свой роман. Почти всегда после окончания и выхода в свет нового романа — новое разочарование. А ведь каждый раз он стремился не только к литературному успеху — ему нужно было потрясение умов и душ. Большой частью это не получалось — и он заранее это предчувствовал.

Из трех больших романов, предшествовавших «Подростку», настоящий успех имело лишь «Преступление и наказание». «Идиотом» он сам был не удовлетворен, а критика и публика приняли «Идиота» прохладно. «Бесы» решительно пошатнули репутацию Достоевского.

Вскоре Достоевский пошел на службу к князю Мещерскому в качестве редактора газеты-журнала «Гражданин», органа крайне реакционного. Тут деньги сыграли свою роль. Достоевский всегда нуждался в деньгах, а издатель «Гражданина» назначил довольно высокий оклад. Сказалось и чувство неуверенности и тревоги, вызванное приемом «Бесов». Наконец, и это самое главное, Достоевский все более нуждался в прямых обращениях к публике.

К работе в качестве редактора «Гражданина» приступил он в январе 1873 года. Вскоре завел в «Гражданине» отдел под названием «Дневник писателя».

Редактирование «Гражданина» Достоевским продолжалось чуть больше года — до марта 1874 года. С князем Мещерским сразу возникли недоразумения и нелады. Превратить «Гражданина» в трибуну собственных идей Достоевскому не удалось, хотя, надо сказать, отдел «Дневник писателя» имел для него огромное значение. Впоследствии, как известно, Достоевский выпускал «Дневник писателя» в виде единичного журнала. Это публицистика художника, испытывающего свой художественный метод, названный им самим фантастическим реализмом, непосредственным изображением фактов и событий реальной действительности. В этом следует видеть новый шаг Достоевского на пути овладения действительностью, новую попытку найти в самой действительности постижение ее тайн, в первую очередь неизбежность побед добрых начал над недобрыми.

Уйдя с поста редактора «Гражданина», Достоевский тут же приступил к работе над «Подростком». Идея романа настолько была выношена им, что, едва начав работу над романом, он стал подыскивать место для опубликования его. С «Русским вестником» не удалось сговориться, пришлось идти в «Отечественные записки» к Некрасову. К тому же Некрасов и сам звал. Стретьишвили, оба остались довольны друг другом, а ведь совсем недавно были идеями противниками. Снова сблизившись, вспоминая молодость, как вместе начинали.

Четыре главы «Подростка», прочитанные Некрасовым и Салтыковым-Щедриным, тому и другому понравились.

Что же произошло с Достоевским за такое короткое время, как промежуток между публикацией «Бесов» и началом работы над «Подростком»? Чем так подку-

пило его новое произведение двух столпов революционной демократии — Некрасова и Салтыкова-Щедрина?

Достоевский писал «Подростка» в предчувствии близкого конца. Он не боялся умереть, но боялся, что не вполне выскажется, прежде чем умрет. Достоевский — мрачный писатель, но глубоко неверно было бы считать его безнадежным. Художественный гений несовместим с безнадежностью. Для Достоевского так же характерна безграничная вера, как и безграничное сомнение. В «Подростке» впервые вера преобладает над сомнением.

При написании «Подростка» Достоевский неотступно, больше, чем когда-либо, думал о Толстом. Он как бы мерился силами с ним — и в смысле объема их, и в смысле направленности. Весьма интересовался и другим своим великим современником — Некрасовым. Два года спустя после написания «Подростка», в 1877 году, он с достаточной откровенностью высказался о том и о другом. Сначала о Толстом — в связи с выходом в свет «Анны Карениной», потом о Некрасове — в связи со смертью последнего. Толстой взволновал его душу постановкой вековых вопросов, в статье памяти Некрасова он пытался понять и объяснить свою собственную возвышенно-трагическую любовь к народу. Достоевский шел к своим художественным вершинам, решая одни и те же проблемы, разумеется, всякий раз в соответствии с изменившимися историческими обстоятельствами. Для него, как и для его героев, первейший вопрос — о том, каким правом наделяет человека само существование его; затем — какие обязанности возлагают на него то, что он способен существовать лишь рядом, совместно с другими людьми. Эти вопросы касаются самой сущности человеческой природы, требуют непрерывного ее испытания. Отсюда — экспериментаторский характер реализма Достоевского, то, что в своем художественном экспериментаторстве Достоевский то и дело заставляет своего героя ставить себя в ситуации, способные привести к ущербу, даже крушению его человеческой репутации.

Трудно указать на другого великого русского писателя, по отношению к которому был бы такой разброс в критике. Критика то превозносила его до небес, то разносила в пух и прах. За «Бедных людей», свое дебютное произведение, он был назван новым Гоголем, и не кем-либо, а самим Белинским. Вскоре появившиеся повести «Двойник», и особенно — «Хозяйка» дали повод тому же Белинскому говорить о Достоевском как о писателе, не оправдавшем его надежд, чуть ли не даже как о посредственном беллетристе.

Достоевский не растерялся, прочитав резкие отзывы о себе Белинского. Порвав с Белинским, не изменил его идеям. Тяжело пережил его кончину. А за чтение письма Белинского к Гоголю в кружке Петрашевского был арестован, заключен в Петропавловскую крепость, осужден на каторгу и сослан в Сибирь. На целых десять лет, с 1849 по 1859 год, он был удален от литературы.

Из произведений Достоевского, напечатанных после его возвращения из Сибири, внимание литературной критики и читательских кругов привлекли роман «Униженные и оскорбленные» и «Записки из Мертвого дома». Однако последнее произведение более ценили за исключительность материала, а первое — за продолжение гуманистической линии «Бедных людей». Добролюбов написал большую статью об «Униженных и оскорбленных» («Забитые люди»), в общем весьма сочувственную, однако с оговоркой, что этот роман стоит «ниже эстетической критики». Невысоко оценил это произведение и Аполлон Григорьев, критик, идейно близкий Достоевскому.

Собственно, только после «Преступления и наказания» за Достоевским утверждается репутация великого романиста. Но к этому времени, именно в середине 60-х годов, у Достоевского обнаружилось явное тяготение к реакционной идеологии, соответственно и неприязнь к передовым общественным теориям. Тут, кстати заметить, одна из самых больших загадок этого великого художника. Со временем внешне он все больше сближался с реакционными кругами, между тем художественное величие его раскрывалось со все большей силой. И нельзя сказать, что реакционные круги так уже восторгались его романами. Тот же Катков, редактор «Русского вестника», назначал ему гонорар по крайней мере вдвое ниже, чем Толстому.

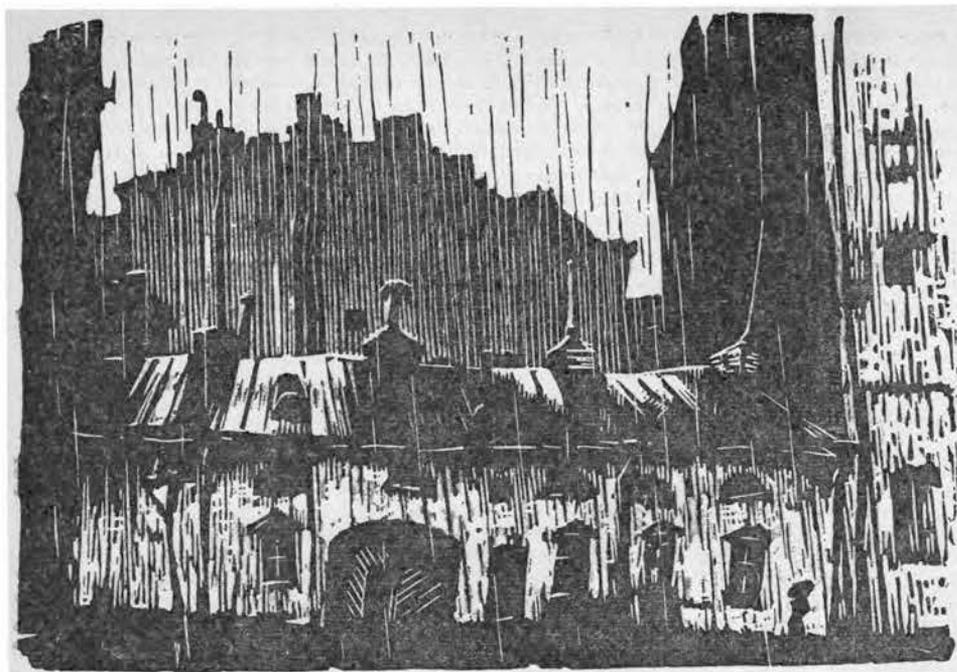
Хотя герои Достоевского решают вечные проблемы, но одновременно живут тем же, чем и все остальные люди. Отличие их только в том, что всякую злободневную тему они рассматривают как повод для постановки вековых вопросов. По широте наблюдений за текущей русской жизнью Достоевский не уступает ни одному из великих русских писателей его времени. В его произведениях, художественных и публицистических, запечатлены все сколько-нибудь заметные идейные течения эпохи, пожалуй, все примечательные события ее, наконец, нашли свое отражение наиболее яркие человеческие типы, выдвинутые временем.

Когда Достоевский писал «Преступление и наказание», то, несомненно, исходил из обстановки, сложившейся в России к середине 60-х годов. В этот злободневный русский роман ворвалась проблема Наполеона. Пушкин, ценивший в Наполеоне героический элемент, не упускает из виду яд наполеоновского эгоизма. Толстой в «Войне и мире» ставит Наполеона перед судом мировой истории за его неуважение к ее законам, поскольку в них отражено уважительное отношение к человеческим массам. У Достоевского иной подход к проблеме «наполеонизма». В своем пробуждении личности, которым столь дорожил Достоевский, он уже видит и ее тяготение к «наполеонизму». Вследствие этого, в его представлении, доброе начало неизменно оборачивается своей противоположностью — началом злым. Оба противоположные влечения человека берутся Достоевским как свойства, возбужденные текущими событиями, одновременно и как изначально заложенные в человеческой природе. С этим связано его так называемое двойничество.

Героя Достоевского обычно разрывают на части силы, враждебные одна другой. В результате он как бы и не вполне подвластен самому себе. Взаимоисключающие влечения не терзают разве только одного князя Мышкина — из всех героев Достоевского. При болезни двойничеством, свойственной обоим главным героям «Подростка» — Версикову и его сыну, Аркадию Долгорукому, — у того и другого чрезвычайно велики порывы к светлому и прекрасному. Вообще, в двух последних романах Достоевского, «Подростке» и «Братьях Карамазовых», при сохранении всех прежних, какие только были возможны, погружений в бездны человеческой души, много отчетливее и много настойчивее, чем было прежде, рвутся наружу силы добра и света. Вся жизнь Достоевский носил в кармане «золотой век», и, зная, что смерть близка, не хотел уносить его с собой в могилу.

2

Для понимания писателя важно научиться разбираться не только в том, о чем он пишет, но и в том, как пишет. Проблемы стиля Достоевского всегда привлекали большое внимание, недаром и не случайно. Его изобретательность в построении произведений и их

Андрей УШИН.
Иллюстрация к роману
Федора Михайловича
Достоевского „ИДИОТ“

изложении поистине не знает границ. К этому были и свои предпосылки. Его всегда тянуло к форме и стилю. Исповедь пишется от первого лица. Ибо, о чем бы и о ком бы он ни писал, главное лицо его писаний, как бы далеко ни стояло от него по своему поведению и целям, непременно духовно родственно ему самому. Во всяком случае, от первого лица написаны «Записки из Мертвого дома», «Зимние заметки о летних впечатлениях», «Записки из подполья». Как исповедь было задумано сначала и «Преступление и наказание». В «Бесах» повествование ведет не автор, а рассказчик-наблюдатель. Форма записок принята и в «Подростке», хотя здесь были колебания.

Исповедь и записки — при всем сходстве между этими жанрами — все же не одно и то же. Исповедью мы обычно называем рассказ героя о самом себе, в известном роде покаянный. Это рассказ о чем-то пережитом, отошедшем в прошлое, значит, и преодоленном. Если говорить строго, жанр собственно исповеди не свойствен Достоевскому. Хотя герой его нередко и склонен к покаянию, он борется с этой склонностью. Даже и о давно прошедшем в романах Достоевского рассказывается как о совершающемся у нас на глазах — либо от лица главного участника событий, либо от более или менее хладнокровного наблюдателя. Это зависит от того, насколько автор отчуждает себя от всего им описываемого. В «Бесах» это отчуждение идет много дальше, нежели в «Подростке». Потому «Бесы» написаны от лица наблюдателя, «Подросток» — от имени одного из двух главных героев.

Сам стиль «Подростка» соответствует натуре героя, приключениям которого в первую очередь посвящен роман. Первоначально роман предполагалось назвать «беспорядок». Более меткое определение трудно дать душе и биографии Аркадия Долгорукого, да и всему другому, что содержится в «Подростке». И это показывает, насколько здесь Достоевский близко подошел к Толстому, писавшему тогда же «Анну Каренину», — вернее, насколько сблизилась их пути. Все же роману дано название «Подросток».

Характеристика эпохи полностью сохранилась, но одновременно подчеркивалась преемственность и взаимозависимость поколений. Потом то же будет в «Братьях Карамазовых».

Подросток — уже не ребенок, но еще и не взрослый человек. Подростку надо привыкать самому разбираться в жизни, а это так трудно и так опасно. Между прочим, Аркадий Долгорукий, каким он появляется на страницах романа, на самом деле давно уже перешагнул за грань подростка — ему двадцатый год. И если Достоевский все же называет его подростком, к тому же озаглавливает этим словом роман, то имеет на это причину. Важно было указать на духовную незрелость героя, если угодно, на благородство и возвышенность его незрелости. Раз он только подросток, значит, совсем еще чист и доверчив. А ведь, по сути дела, он взрослый человек и общается со взрослыми людьми, которые сплошь, поголовно испорчены — за какими-то единичными исключениями. Вероятно, нет меры несчастьям человеческим. Несчастья подростка, при всем их множестве и многообразии, как будто все до одного окрашены в один и тот же цвет. Он всегда оказывается, можно сказать, в глупейшем положении, почти каждый, с кем он встречается, способен как-то унижить его, да и унижает. Подросток будто сам напрашивается на это. Возможно, мировая литература и не знает другого героя, который обладал бы столь чувствительной ко всякой несправедливости и столь часто обижаемой душой.

Для осуществления задачи, поставленной в «Подростке», невозможно было избрать более удачную фигуру, чем Аркадий Долгорукий. Этот уже взрослый человек обладал невинной душой подростка и умом, сохранившим всю свою человеческую чистоту благодаря непричастности к практическим действиям. От этого он так страдал и мучился, но благодаря этому, т. е. тому, что до двадцати лет остался чист и невинен, ему навсегда удалось сохранить душевные и умственные качества, хотя множество раз он поддавался дурным соблазнам.

Илья ГЛАЗУНОВ.

Иллюстрация к роману Федора Михайловича Достоевского «НЕТОЧКА НЕЗВАНОВА»

«Подросток» не есть исповедь. Исповедующийся с определенной целью исповедуется, а это ведет к тому, что он трактует свою биографию определенным образом, способен пойти вследствие этого на сознательное искажение фактов. Это находили в «Исповеди» Руссо, в частности об этом писали Пушкин и Достоевский. Кто исповедуется, тот обязательно так или иначе судит себя. Осуждающий себя решается на самоосуждение потому, что, как ему представляется, он успел найти правильный путь в жизни, по сравнению с тем, по которому шел прежде. Герой Достоевского обычно понимает собственное несовершенство, однако и не видит возможности избавиться от него. Я не хочу отдать предпочтение стилю Достоевского перед собственно исповедальным стилем. Нам важно понять суть дела.

Достоевский изображает жизнь не как происшедшее, а как происходящее. Того, что только происходит, нельзя вполне постигнуть — вот в чем гвоздь вопроса, если говорить о стиле Достоевского в целом. Для него не годился стиль исповеди. Не подходил и стиль воспоминаний, ибо в воспоминаниях неизбежно возникает грань между прошедшим и настоящим, что совершенно не соответствовало представлениям Достоевского о жизни и о человеке. В стиле романов Достоевского есть что-то дневноиковое. Однако дневноик есть тоже своего рода суд, хотя и над едва происшедшим, а не только отчет об этом.

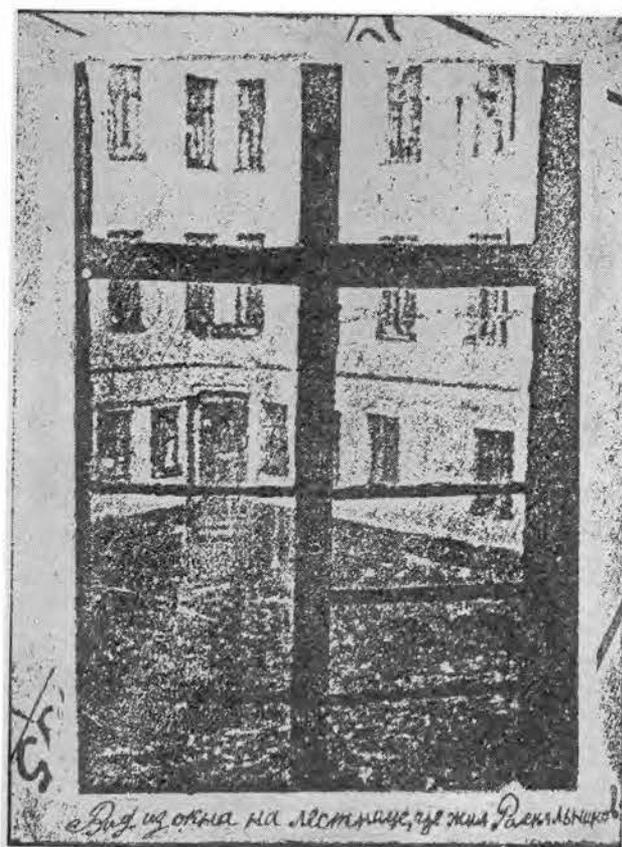
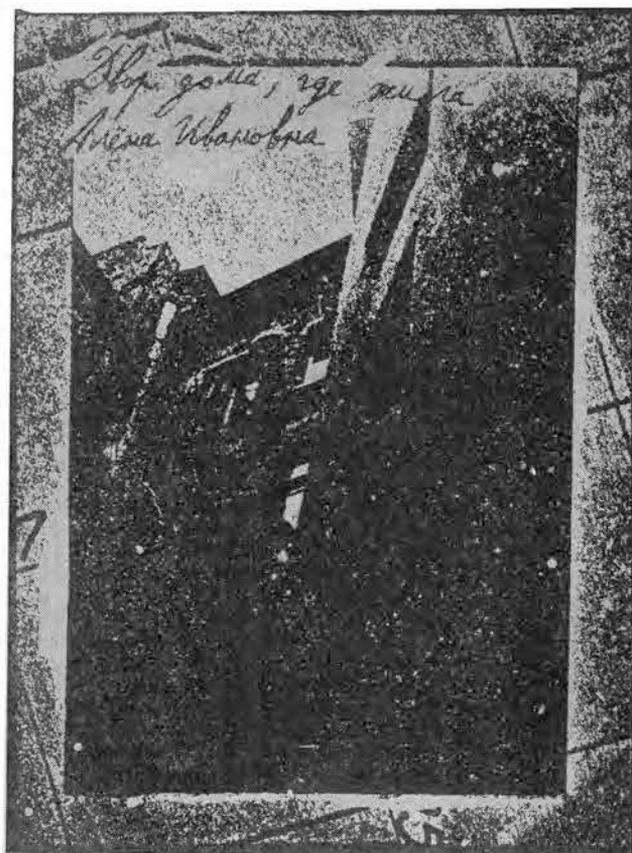
Рассказчик в «Подростке», то есть, собственно, сам подросток, настаивает на определении им написанного как записок. «Но я писал, слишком воображая себя таким именно, каким был в каждую из тех минут, которые описывал. Кончив же записки и дописав последнюю строчку, я вдруг почувствовал, что перевоспитал себя самого, именно процессом воспоминания и записывания. От многого отрекаюсь, что написал, особенно от тона некоторых фраз и страниц, но не вычеркну и не поправлю ни единого слова».

«Перевоспитал себя» — это не обмолвка, не случайная фраза.

Николай Семенович, бывший воспитатель Аркадия, дочитав его рукопись, пишет ему: «И никогда не могли вы, незабвенный Аркадий Макарович, употребить с большей пользою ваш временный досуг, как теперь, написав эти ваши «Записки». Вы дали себе, так сказать, сознательный отчет о первых бурных и решительных шагах ваших на жизненном поприще. Твердо верю, что сим изложением вы действительно могли во многом «перевоспитать себя», как выразились сами».

«Подросток», действительно, в своем роде роман воспитания. Жанр этот получил широкое распространение в западноевропейских литературах XVIII и первой половины XIX столетия. Классический образец такого романа представляют «Ученические годы Вильгельма Мейстера» Гете. Молодой человек, прежде чем пробиться к самостоятельной практической деятельности, проходит, как говорится, школу жизни. Он, однако, думает о себе, готовит себя к осуществлению высокого предназначения. Но последнее ему, в общем, никогда не удавалось. С годами он делался все смиреннее. Гете иронически изобразил то, как жизнь обламывает ему рога, как, выходя на самостоятельную жизненную колею, он становится ординарностью.

В русской литературе не привился роман воспитания. Она изображала главным образом представителей господствующего сословия, выдвигала на первый план тех из них, которые остро сознавали свою ответственность за положение и судьбу народа. Для русской литературы характерно умение показать эту сторону в передовом человеке, показать то, как от поколения к поколению меняется духовный облик передового человека.

«Отцы и дети» Тургенева — один из характерных русских романов. Достоевский высоко ценил этот роман, не раз писал о нем, у него самого возникали подобного рода замыслы. Во главе угла как «Подросток», так и «Братьев Карамазовых» стоит проблема отцов и детей. Но ставит ее Достоевский по-своему. Тургенев зафиксировал лишь факт прихода в русскую общественную жизнь людей с новыми убеждениями и представлениями. Достоевский придавал капитальное значение преемственности между отцами и детьми не только сейчас, но вообще. Это обязывало его, обрисовывая современное состояние русского общества, заглянуть в глубины духовной жизни России, а затем и Европы на протяжении веков.

Называя «Подросток» романом воспитания, я отнюдь не хочу сказать, что весь смысл романа в Аркадии Долгоруком. Подросток хорошо знает свою слабость и духовную безоружность перед суровым, часто темным ликом жизни. Об этом лике Достоевский писал, что он и ему «самому не очень нравится».

Как изобразителю чистогана, Достоевскому удалось в «Подростке» достичь своего апогея. Подросток сам поражен идеей обогащения, мечтает сделаться Ротшильдом, хочет стать обладателем миллиона. При этом ни капельки не сомневается в гибельности этой страсти. Чувство незащитности перед миром гонит его к отцу, которого он почти не знает. Да, конечно, подросток до этого был погружен в «море идеализма», но далеко не начисто отрезан от мира. Иначе откуда бы он почерпнул идею стать Ротшильдом?! Да и мечта его сблизиться с отцом не такая уж кристально чистая. У него в руках документ, при помощи которого он надеется стать властелином чужих судеб, в том числе и судьбы отца. Этот документ — письмо Екатерины Николаевны Ахмаковой, вдовы-генеральши, о своем отце, князе Сокольском, которого она хотела отдать под опеку как не совсем нормального, имея целью сохранение для себя его огромного состояния. За это письмо готов был дорого заплатить Версильов, безумно и безнадежно влюбленный в Ахмакову. И хотя подросток приехал в Петербург разгадать Версильова, Версильов сам для себя до самого конца оставался загадкой. Это человек путающийся и не знающий пути. Под конец, после смерти Макара Ивановича Долгорукого, его официального отца, подросток прибегает к Версильову, действительно своему отцу, чтобы окончательно разобраться в сложных перипетиях происходящего, чего он самостоятельно сделать не в состоянии. Тут-то Версильов и произносит свою многозначительную исповедь, ни в чем, в сущности, не раскаяваясь и ни от чего не отрекаясь. Судьба его сына заключена в его судьбе, как свою собственную судьбу он поставил в зависимость от воли Екатерины Николаевны Ахмаковой. Он только что получил от нее письмо с отказом от предложения стать его женой.

«Подросток» я называю романом воспитания, подразумевая, что это относится так же и к Версильову, как и к Аркадию Долгорукому. Оба они воспитывают себя на непрерывных ошибках и заблуждениях. Жизнь, однако, не обламывает рогов ни тому, ни другому, как это происходит с героями романов воспитания в западноевропейских литературах. Тут, у нас, все было не так. Герой русского романа неспособен был пойти на компромиссы, ибо в нем было слишком велико чувство вины перед отечественной историей, перед народом.

Георгий КОВЕНЧУК.
Иллюстрации к роману Федора Михайловича Достоевского „ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ“

У Достоевского композиция всякого его романа, при всей нацеленности ее на определенный круг проблем, приспособлена к охвату всего происходящего в современной русской жизни, к включению, при этом вполне органическому, любого эпизода всемирной истории. Но это ни в коем случае не роман-обозрение. Секрет емкости, энциклопедичности романов Достоевского — в самой природе его героев, в их расположенности к восприятию всего того, что может случиться с человеком на этом свете.

«Подросток» строится как жизнеописание Аркадия Долгорукого. И, однако, по происшествии и по лицам, описанным в нем, это едва ли не самый пестрый и многоликий из романов Достоевского. Кого только и чего только не встретишь здесь! Всюду на первом плане деньги. Перед нами словно не люди, руководствующие своими человеческими чувствами, а тени их, подчинившиеся темной силе денег. Чего стоит один Ламберт, тиран подростка еще со времени пансиона! Не лучше и Стебельков, этот фальшивомонетчик, втянувшийся в свои махинации в общем-то благородного и совершенно безвольного молодого князя Сокольского, возлюбленного Лизы, сестры подростка.

Вся эта грязная компания введена в роман не ради только характеристики эпохи. Это вовсе не какая-либо вставная новелла. Ламберт вообще проходит через весь роман. Без него нельзя себе представить образ подростка. Подросток духовно связан с Ламбертом. С детских еще лет в душе подростка зрела идея стать Ротшильдом. Таким путем он надеется достигнуть полной свободы и независимости от кого бы то ни было. Незаметно для него самого эта мечта перерастает в мечту о первенстве, значит — о тиранстве. Признание за деньгами всепобеждающей силы ведет к обесцениванию всего человеческого в человеке.

Идея превратиться в Ротшильда поднимала подростка в собственных глазах над бездной своей ничтожности, но он тут же спохватывался, улавливая острой мыслью, как все это отвратительно и жестоко.

«Идея» утешала в позоре и ничтожестве, но и все мерзости мои тоже как бы прятались под «идею», она, так сказать, все облегчала, но и все заволакивала передо мной; но такое неясное понимание случаев и вещей, конечно, может повредить «идее», не говоря о прочем».

Короче, власть «идеи» вовсе не была абсолютной, напротив, весьма и весьма относительной. Подросток, говоря яснее, ненавидел свою «идею». Потому с такой охотой завязывал знакомство с людьми, жившими совсем другими идеями. В «Подростке» показан кружок революционной молодежи, встреча с которым так необходима для духовного самоопределения героя романа.

Революционная молодежь в предпоследнем романе Достоевского во многом противоположна «революционерам» из «Бесов», существенно отличается и от революционной молодежи «Идиота». Прототипом Дергачева в «Подростке» послужил революционный народник 70-х годов Долгушин, являвшийся в значительной степени антиподом Нечаева, отталкиваясь от которого, Достоевский написал ужасную фигуру Петра Верховенского в «Бесах». Но дело тут не только в различии реального материала, из которого лепил образы социалистов в своих романах Достоевский. Главное состояло в том, какой именно герой несет основную идейную нагрузку в романе. Одно дело Ставрогин, совсем другое — Аркадий Долгорукий или Версиков.

Подросток — человек запоздалого развития, без каких-либо твердых основ в душе и уме. Роман о нем —

роман, который можно назвать калейдоскопом лиц и событий. Единство роману придает образ самого подростка.

Но о чем бы ни думал подросток, он не перестает думать о Версикове. Стержень романа составляет любовь подростка к отцу, перерастающая в ненависть, и ненависть, которая оборачивается любовью. Это связано с двойственностью как Версикова, так и подростка, да и с самой жизнью. Пока все двойится, нет покоя, и счастья тоже нет.

У Версикова сын и дочь от первого брака, также сын и дочь от Софьи Андреевны, матери подростка, на которой он так и не женился, хотя и обещал это сделать после смерти ее официального мужа, Макара Ивановича Долгорукого. О Версикове мы знаем, что он промотал три громадных состояния, наконец остался без копейки. Большую половину жизни прожил за границей. Собираясь жениться на сумасшедшей девице, просил на это разрешения у Софьи Андреевны, та, конечно, разрешила, и если брак не состоялся, то по причине смерти невесты. За Версиковым числится масса других поступков, столь же компрометирующих его личность, а некоторые из них заставляют о нем думать вообще бог знает что.

Отношения подростка с Версиковым составляют суть романа, стержень его сюжета. Все остальные сюжетные линии, как бы ни были они важны, имеют все же подсобный характер.

Роман состоит из трех частей. Начинается он с приезда подростка в Петербург, со знакомства его с Версиковым; по ходу рассказа вставляются эпизоды о безрадостном детстве подростка, о жутких годах пребывания в пансионе, о том, как он воспитывался среди чужих людей, как все помыкали им. Вспоминается встреча с отцом в детстве, душераздирающие встречи с матерью. Восстанавливается, по чужим рассказам, эпизод увода помещиком Версиковым его матери от ее мужа Макара Ивановича Долгорукого, дворового человека. Вот предыстория подростка, отчасти и Версикова. Сын вырос без отца, вообще без родителей. А по убеждениям Достоевского 70-х годов, кто не знал семьи, не получил и правильного воспитания. Подросток стремится в Петербург к отцу, в надежде таким путем найти себя. Труден был его путь к самому себе. Между сыном и отцом сразу начались недоразумения. Первая часть кончается их разрывом. Уход от отца, подросток бросает ему в лицо такие слова: «Я вас не люблю, Версиков... Берегитесь, Версиков, не делайте меня врагом вашим».

Уход от отца — уход в жизнь. А эта жизнь — разгул чистогана. Кругом одни мошенники. Всюду махинации. Мало того, что честные люди становятся жертвами мошенников, они и сами легко втягиваются в мошеннические проделки. Версиков судится за наследство, имея на это весьма сомнительное право. Не так беспорядны и права его противников. Катерина Николаевна Ахмакова пыталась отдать отца под опеку ради сохранения его богатства, которому, впрочем, ничто не угрожало. Сам подросток сорит деньгами, беря их у молодого князя Сокольского, думая, что тот должен Версикову. Хорош и Сокольский — он дает деньги подростку, тем самым как бы подкупая его, будучи любовником его сестры Лизы. О самом этом Сокольском мы узнаем, что он покрывает крупного мошенника Стебелькова, пустившего в ход подложные акции. Дочь Версикова от первого брака, Анна Андреевна, красавица и умница, завела роман со стариком Сокольским, сама предложила ему себя в невесты.

Как все это ужасно! На какие чудовищные поступки способны герои «Подростка»? Достоевский не снимает с них ответственности за это, хотя и не относится к ним как к чудовищам. Далеко, разумеется, не в ка-

ждом изображенном лице, но, во всяком случае, во многих из них он находит и прекрасные черты, Версиллову же приписывает самые благородные и самые возвышенные мысли.

Все как бы восходит к Версиллову, находит в нем свое объяснение. Версиллов есть олицетворение беспорядка — главной темы и идеи романа.

Подросток как бы вторит отцу — высказывает мысли, являющиеся заветными для того.

Хотя подросток ушел от отца, он не порвал с ним. Напротив, тут и началось их подлинное сближение, в котором было столько же притяжения, сколько и отталкивания. Встречаясь теперь, они говорили о вещах, самых для них важных, имеющих для всякого человека первостепенное значение. В этих беседах выявляется смысл того, что происходило с ними за стенами комнаты, в которой они беседовали, шире — со всеми теми людьми, с которыми они сталкивались или же которые так или иначе попадали в поле их зрения.

Выясняется — и выясниться до конца не может.

Подросток хочет разгадать тайну отношений между родителями.

Версиллов не только не помогает ему, но еще более запутывает его.

«— Мы все наши двадцать лет с твоей матерью совершенно прожили молча... и все, что было у нас, так и произошло молча. Главным характером всего двадцатилетия связи нашей было — безмолвие. Я думаю, мы даже ни разу не поссорились. Правда, я часто отлучался и оставлял ее одну, но кончалось тем, что всегда приезжал обратно... Смирение, беззаветность, приниженность и в то же время твердость, сила, настоящая сила — вот характер твоей матери. Заметь, это лучшая из всех женщин, каких я встречал в мире».

Как все искренне сказано. — и, одновременно, как двусмысленно!

И это Версиллов говорит о матери двух своих детей, о женщине, которую увел от живого мужа и с которой прожил двадцать лет. Он ее горячо любил, однако по его словам, в которых никак нельзя сомневаться, ничего не сделал ей за время совместной жизни, кроме одного только зла.

Такова уж природа Версиллова — двойственная природа.

Двойничество Версиллова несомненно отличается от двойничества Раскольникова или Ивана Карамазова. Версиллов благообразнее и того и другого. У него нет особой склонности выяснять, все ли позволено человеку или ничего ему не позволено, производить для этой цели такие чудовищные эксперименты, какие производили Раскольников и Иван Карамазов. Из-за раздвоения в его духовном мире он неспособен ни на чем окончательно остановиться. Причину такого его состояния понимают и он сам, и некоторые лица, с ним даже не очень близко знакомые. К последним принадлежит, в частности, Васин, член кружка Дергачева.

«— Мне кажется, этот человек, — говорит он о Версиллове, — способен задать себе огромные требования и, может быть, их выполнить, но отчету никому не отдающий».

Чуть ниже, устами того же Васина, дается характеристика восбеще людям такого склада.

«— Тут причина ясная: они отрицают бога, чтобы не преклоняться перед людьми, сами не ведая, как это в них делается: преклоняться перед богом не так обидно. Из них выходят чрезвычайно горячо верующие, — вернее сказать, горячо желающие верить; но желая они принимают за самую веру. Из таких особенно часто бывают под конец разочаровывающиеся. Про господина Версиллова я думаю, что в нем есть и чрезвычайно искренние черты».

В том, что говорит Васин о Версиллове, нет еще ничего такого, что принадлежало бы исключительно одному Версиллову. Версиллов близок в особенности к Ставрогину.

Версиллову под пятьдесят, и у Версиллова есть двадцатилетний сын, близкий по возрасту Раскольникову, Ивану Карамазову, да и Ставрогину, в значительной мере близкий им и своими духовными запросами. Версиллов, в сущности, прожил свою жизнь. Он живет более в размышлениях о нем его сына, подростка. Подросток же существует в романе для того, чтобы продолжить и преодолеть Версиллова.

Раскольников сам искал продолжения себя на каком-то более правильном пути. У Ставрогина не хватило на это сил, вернее, он не сумел направить свои необъятные силы куда следует. Хотя, в отличие от Раскольникова, он никого не убивал, бремя, возложенное им на себя, оказалось более тяжким — и раздавило его. Рядом с Иваном Карамазовым, душой, столь родственной душе Раскольникова или Ставрогина, стоит его брат Алеша, едва ли не самая чистая душа во всем творчестве Достоевского. Аркадий Долгорукий в каком-то смысле предшественник Алеши Карамазова, хотя, с другой стороны, и духовный сын своего отца, Версиллова, человека с раздваивающимся духовным миром.

«Подросток» — роман, столь же вскрывающий причины двойничества, сколь и занятый поисками способов преодолеть двойничество.

4

Достоевский писал «Подростка», непрестанно думая о Толстом. «Анна Каренина» в это время не была известна Достоевскому, и для Достоевского Толстой оставался автором автобиографической трилогии и «Войны и мира». Автобиографические повести Толстого были прочитаны Достоевским еще в Сибири и произвели на него сильное впечатление. Все же он воспринял, в частности, «Детство» как вещь буквально автобиографическую, и решил, что Толстой едва ли долго будет писать и много напишет. Сугубо автобиографические писатели, как известно, особенным образом связаны с материалом своего творчества, часто находятся под его властью. Иначе сказать, Достоевский воспринял первые произведения Толстого как апологию дворянского уклада жизни, пуская и всего самого лучшего в этом укладе. Такое мнение сложилось у Достоевского и о «Войне и мире». В противовес этой, скорее навязанной Достоевским Толстому, концепции русского исторического процесса Достоевский выдвигает свою собственную концепцию, в некотором смысле противоположную ей, однако на деле и близко соприкасающуюся с нею.

Велико различие между Достоевским и Толстым, но их и многое соединяет. От романа к роману они все ближе и ближе подходят друг к другу. Для характеристики Толстого Ленин приводит цитату из него: «У нас теперь все это перевернулось и только укладывается...» Это цитата из «Анны Карениной», писавшей одновременно с «Подростком». Предпоследнему своему роману Достоевский хотел дать название «Беспорядок».

Версиллов сначала назывался Брутиловым (Брут — изменник), намек, что он является изменником своему классу, т. е. дворянству. Но ведь это относится также и к Левину из «Анны Карениной».

Впоследствии Достоевский написал статью об этом романе Толстого. Левин понравился ему своим беспорядком, роднившим его с Версилловым, и не понравился уверенностью, что он уже представляет собою народ.

Прямо не называя Толстого, Версиков говорит о Толстом как о своем любимом писателе, в то же время явно иронизируя над ним. Толстой, рассуждает Версиков, «психолог дворянской души». Самому Версикову эта дворянская душа не совсем по душе. Герои Толстого вовсе не «герои», а всего только «милые дети». У детей этих «прекрасные отцы», располагающие большими состояниями. Прочность их быта как раз и смущает Версикова.

Говорят, в «Подростке» Достоевский полемичен по отношению к Толстому. Это одновременно и так и не так. Действительно, Достоевского раздражал герой Толстого, ибо он явно преувеличивал его образ, видя в этом как бы намеренно отстраненность от всего происходящего. Но то, что Толстой так был уверен в своем герое, и подкупало Достоевского. Как раз тут, ценя толстовского героя как хранителя чести и долга, Достоевский резко расходится с Толстым.

«— Нас таких, — говорит Версиков, — в России, может быть, около тысячи человек; действительно, может быть, не больше, но ведь этого очень довольно, чтобы не умирать идее. Мы — носители идеи, мой милый!» И несколько ниже: «Да, мальчик, повторяю тебе, что я не могу не уважать моего дворянства. У нас созданы веками какой-то еще нигде не виданный высший культурный тип, которого нет в целом мире, — тип всемирного боления за всех. Это тип русский, но так как он взят в высшем культурном слое народа русского, то, стало быть, я имею честь принадлежать к нему. Он хранит в себе будущее России».

Толстой не согласился бы подписаться под этими словами героя Достоевского, потому что ценил в дворянине не столько его способность быть носителем высшей мысли, сколько ту нравственную требовательность к себе, которая одна только и может помочь ему вполне и до конца перейти на сторону народа. Впрочем, Достоевский далек от того, чтобы придать абсолютное значение декларации Версикова о «высшем культурном слое», будто бы заключающем в себе «будущее России». Не надо забывать, однако, что и самую дорогую свою мысль Достоевский преподносит как относительную, иначе сказать, имеющую столь же основательный противовес. Он ни на чем не настаивает как на окончательном. Так же ведет себя и Версиков, подобно всем другим героям Достоевского этого порядка.

Несмотря на это, мысль Версикова о высшем культурном слое и его роли в истории России, особенно в ее будущем, выдвигается в «Подростке» за программную. Ее разделяет такой человек, как Николай Семенович, бывший воспитатель подростка, сам не являясь дворянином. Другое дело, что у него — критическое отношение к самому Версикову, в ком он видит соединение дворянина древнейшего рода с парижским коммунаром, человеком, который хотя и любит Россию, но зато и отрицает ее вполне».

При всем том, что Достоевский придал образу Версикова программность, не он является его программой, т. е. надеждой. К этой роли куда больше подходит подросток, несмотря на его двойничество. В двойничестве подростка скрывается и спасительный для него элемент. Не случайно, кстати заметить, у него два отца — юридический, фамилию которого он носит, и настоящий. Поучения Макара Ивановича Долгорукого не менее значимы для подростка, чем исповеди и наставления Версикова. Он хочет идти то за тем, то за другим, значит, соединить в себе качества того и другого — мудрость народную, воплощенную в Макаре Ивановиче, и мудрость высшего культурного слоя, носителем которой является Версиков.

«— Я вам рад. Я, может быть, вас давно ожидал. Я

их никого не люблю: у них нет благообразия. Я за ними не пойду, я не знаю, куда я пойду, я с вами пойду».

Это слова подростка, обращенные к Макару Ивановичу. И они остаются без ответа. Макар Иванович лишь рассказывает о своем многотрудном жизненном пути, он вовсе не становится в позу наставника. Версиков, между тем, не может отказать себе в удовольствии играть наставническую роль. В конце концов, как бы и ничего не навязывая сыну, он добивается от него полного доверия.

«— Мне теперь не нужно мечтать и грезить, мне теперь довольно и вас! Я пойду за вами!»

И тут выясняется, что Версикову идти некуда.

«— За мной? А мои странствия как раз кончились и как раз сегодня: ты опоздал, мой милый. Сегодня финал последнего акта и занавес опускается».

Подростку не остается ничего другого, как самому сделать выбор, — вернее, найти свой собственный путь, как-то соединить, в первую очередь, опыт его двух отцов — Андрея Петровича Версикова и Макара Ивановича Долгорукого. Подобно «Преступлению и наказанию», «Подросток» заканчивается уверениями героя в переломе, происшедшем в его душе, в готовности начать новую жизнь. Но есть и большая разница в окончаниях этих двух романов. Раскольников говорит только о том, что произошло с ним самим. Подросток связывает изменения своего душевного строя с теми изменениями, которые намечаются в исторических условиях русской жизни. Об этом же пишет и Николай Семенович в своем заключении об его «Записках»: «...такие «Записки», как ваши, могли бы, кажется мне, послужить материалом для будущего художественного произведения, для будущей картины — беспорядочной, но уже пришедшей эпохи».

«Подросток», таким образом, можно назвать и романом надежды, а не только романом воспитания.

Илья ГЛАЗУНОВ.

Иллюстрация к роману Федора Михайловича Достоевского «БЕДНЫЕ НОЧИ».

